

— Именно так, — вежливо ответил Юань Дао. — По приказу господина уездного судьи Вэнь Жунь, Вэнь Сюйцай, просим вас проследовать с нами в уездный город — есть дело, которое надлежит обсудить в управе.

Обратил внимание Вэнь Жунь: не «допрос», не «следствие» — а именно «обсудить дело». Это его насторожило. Он ведь почти не имел дел с местным уездным судьёй. Вернее, встречался с ним всего дважды — и то не он сам, а его «предшественник», прежний владелец этого тела.

Когда тот учился в академии, судья однажды навестил студентов — просто проинспектировал учебный процесс.

Второй раз — после получения степени «суйцай»: всех новоиспечённых учёных собрали в управе на торжественный приём.

По памяти, уездный судья — мужчина средних лет с короткой бородкой. Он был держателем высшей степени «цзиньши», родом из Фуцзяня, из прибрежного города Жунчэн — крупного и процветающего порта.

Речь его была размеренной, властной, с отчётливым «чиновничьим» акцентом и официозом.

Всех своих людей он привёз с собой — особенно трёх секретарей-шие (шие-е).

А вот заместитель уездного судьи — знаменитый господин Ли, тоже суйцай и одновременно глава местного клана Ли.

Род Ли был крупнейшим в округе: более трёх тысяч мужчин! (В ту эпоху только взрослые мужчины считались «головами» — женщины и дети в подсчёт не шли.)

Тем, кому исполнилось пятьдесят, уже не назначали повинностей — ведь, как гласит классик: «В пятьдесят лет познаёшь волю Небес». Таких считали стариками.

Вэнь Жунь быстро прокрутил в уме всю структуру уездной администрации и понял: у него там нет ни родственников, ни настоящих связей. Кое-кого он знал — но лишь по делам, поверхностно, без дружбы.

С такими можно было решать формальные вопросы — за небольшую плату. Например, когда он продавал дом и землю, пару монет — и всё оформили быстро и чисто.

Но если потребуется помощь в серьёзном деле — сколько придётся заплатить? И главное — раз попросишь, сразу окажешься в долгу. А долги перед чиновниками — дело опасное.

Вэнь Жунь чувствовал неуверенность, но не мог уронить честь своего звания «суйцай».

— Хорошо, я поеду с вами, — сказал он. — Но сначала мне нужно устроить домашних.

Он обернулся к детям:

— У меня трое малолетних детей. Пока не устрою их — не поеду.

— Разумеется, — с уважением кивнул Юань Дао. — У нас есть повозка — поедете прямо в карете.

Староста Чжан заволновался:

— Я тоже поеду с вами.

— Дедушка Чжан, вам не стоит, — неожиданно отказал Юань Дао. — Достаточно одного Вэнь Сюйцая.

Ведь господин судья не разрешал брать с собой старосту!

— Я... — дедушка Чжан очень хотел поехать. В Ляньхуаао столько лет не было ни одного учёного — и вдруг появился Вэнь Сюйцай! Нельзя допустить, чтобы его «потеряли». Надо защищать его любой ценой — ведь дети всей деревни учатся у него!

— Прошу вас, дедушка Чжан, поедemте со мной, — вмешался Вэнь Жунь. — У нас нет своей повозки, а без транспорта возвращаться будет крайне неудобно.

Приедут — в карете. А обратно? Не пешком же идти!

С его-то хрупким телосложением — типичного книжного червя — он и шагу бы не ступил.

Он проверял: может обежать Ляньхуаао один раз, или два раза пройти пешком.

И то — только потому, что последние месяцы упорно укреплял здоровье.

А раньше? Даже одного круга не выдерживал — ноги болели до невозможности.

Именно поэтому он и говорил детям: «Нам не подходит земледелие».

Малыши маленькие, он — слабый, крупного скота нет... Да и сам он в земле ничего не понимал.

«Плеч не поднять, рук не поднять» — вот он, живой пример древней истины: «Сто бесполезных вещей — и одна из них книжный червь».

— Ладно... пусть будет так! — неуверенно согласился Юань Дао.

Возможно, судья пришлёт карету и на обратный путь. Если нет — Вэнь Сюйцао придётся нанимать повозку в городе. Но раз уж у старосты есть своя — почему бы и нет? Он не хотел специально усложнять жизнь ни Вэнь Жуню, ни дедушке Чжану.

— Отлично! Сейчас запрягу! — дедушка Чжан тут же побежал домой.

У него была и телега, и даже лёгкая повозка с лошадьё — редкость для Ляньхуаао, где он считался чуть ли не самым богатым.

А Вэнь Жунь тем временем отвёл троих детей к соседке, тётушке Ян:

— Пожалуйста, приглядите за ними. Если я сегодня не вернусь — пусть переночуют у вас. Завтра обязательно приеду.

— Что случилось?! — испугалась тётушка Ян, усаживая детей на канг. — Опять эти приставы? Неужели та Ван Цзяши опять затеяла что-то? Неужели не отстанет?!

Услышав имя «второй тётушки», дети тут же напряглись.

Взрослые боялись властей, и дети это чувствовали — приставы были опасны и непредсказуемы.

— Не бойтесь, — мягко успокоил их Вэнь Жунь.

Тётушка Ян вздохнула с тревогой:

— Как же это не кончается? В прошлый раз пришли, устроили скандал — не вышло. Теперь опять? И даже суд вмешался!

— Я не боюсь их шумихи, — твёрдо сказал Вэнь Жунь. — Правда на моей стороне — и это сильнее любых угроз. Не волнуйтесь за меня: я ведь имею учёную степень, моя регистрация по месту жительства оформлена надлежащим образом, всё законно и справедливо. Если они осмелятся тронуть детей семьи Ван — спросят сначала моего согласия!

Вэнь Жунь был серьёзен как никогда. Эта «вторая тётушка» — отвратительная баба — уже перешла все границы. Раз она так его достала, он не успокоится, пока не прикончит её замыслы окончательно.

— Тогда я тоже поеду с тобой, буду править повозкой, — не унимался дядя Ян.

— Не надо, дядя, — отказал Вэнь Жунь. — Лучше позаботьтесь о доме. Дедушка Чжан повезёт меня — он староста, с ним легче договориться. А дома обязательно должен кто-то остаться: вдруг явятся за детьми — ни в коем случае нельзя их отдавать!

— Об этом можешь не сомневаться! — решительно кивнул дядя Ян. — Детей я уж точно не отдам! Ляньхуаао — не место, куда можно заявиться кому попало и увести ребёнка! Попробуют — сами погибнут!

Во все времена дети ценились невероятно высоко. Даже рабыню, родившую ребёнка, на несколько лет освобождали от тяжёлой работы — как минимум на три-пять лет.

А если молодая служанка рожала и у неё было много молока, она могла даже стать кормилицей у маленького барчука — это считалось огромной удачей, почти «взлётом в небеса».

Что уж говорить о похищении детей! Где бы то ни было — это преступление, за которое можно было убить на месте, и никто не поднимет вопроса о наказании.

— Верно! — подхватила тётушка Ян, сверкая глазами. — Пусть только попробуют сюда заявиться за детьми — мы, бабы, тут же выйдем и расцарапаем им лица до крови!

Мужчинам, может, и неловко вмешиваться, но женщины не стеснялись — у каждой в доме есть дети!

Жители Ляньхуаао были бедны, но горды. Те, кто сумел здесь остаться из числа беженцев, держали спину прямо. Никто в деревне не отдавал своих детей в тунъянси — это делали только безродные, ничтожные семьи, у которых не было ни чести, ни достоинства.

— Ладно, я пошёл, — Вэнь Жунь обернулся к детям и улыбнулся — тёплой, спокойной улыбкой: — Будьте послушными. Гэфу скоро вернётся.

— Гэфу, обязательно вернись целым! — хором закричали дети.

Особенно Ван Мэй. Хотя она и была маленькой, уже кое-что понимала — и знала: гэфу идёт туда ради неё.

— Молодцы, — Вэнь Жунь погладил каждого по голове. В мыслях он отметил: к счастью, ещё не началась уборка урожая. Иначе все в деревне были бы заняты до предела — «ноги мелькали бы у затылка», как говорят, — и ему было бы неловко оставлять детей у дяди Яна.

Но времени на разговоры не было. Вернувшись домой, он быстро переоделся: надел чистую синюю одежду учёного (цинъи чжичжуй), новые тканые туфли — синие носки и белоснежные боковины.

Перед ними стоял аккуратный, свежий, как будто только что сошёл с картинки, молодой суйцай.

Уходя, Вэнь Жунь ещё зашёл к соседям и оставил две полоски вяленого мяса:

— Пожарьте к обеду. Я пошёл!

<http://bllate.org/book/15642/1398041>